



человека. Избранные решения: в 2 томах». Т. 2 Председатель ред. коллегии Туманов В.А., Москва, 2000, стр. 234, 240

15. «Европейский суд по правам человека. Избранные решения: в 2 томах». Т. 2 Председатель ред. коллегии Туманов В.А., Москва, 2000, стр. 249

16. «Европейский суд по правам человека. Избранные решения: в 2 томах». Т. 2 Председатель ред. коллегии Туманов В.А., Москва, 2000, стр.

17. «Европейский суд по правам человека. Избранные решения: в 2 томах». Т. 2 Председатель ред. коллегии Туманов В.А., Москва, 2000, стр. 732-733

18. «Европейский суд по правам человека. Избранные решения: в 2 томах». Т. 2 Председатель ред. Коллегии Туманов В.А., Москва, 2000, стр. 735-739

19. «Судебная практика по семейным спорам», Руководитель коллектива составителей Крашенинников П.В., Москва, 2008, стр. 299-304

20. «Методические рекомендации по обращению в Европейский суд по правам человека», авт. сост. Добровольская С.Н., Москва, 2007, стр. 22-23

21. «Методические рекомендации по обращению в Европейский суд по правам человека», авт. сост. Добровольская С.Н., Москва, 2007, стр.

МОДЕЛИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КОНСТИТУЦИИ

П. РАИЛЯН,
судья Конституционного суда Республики Молдова

SUMMARY

The collapse of the communist empire coincided with a new wave constitution making all the Eastern European countries included in their new constitutions an organ in charge of constitutional adjudication that is modelled on what we define below as the Kelsenian type this was neither surprising nor original. The same phenomenon occurred in Southern Europe about 20 years ago, after the collapse of fascist authoritarian regimes in Greece, Portugal and Spain. Likewise, after the Second World War, a similar process took place in Austria, Italy and Germany.

* * *

В предлагаемой статье автор рассматривает две модели правовой охраны Конституции: американскую и европейскую. По его мнению невозможно выделить наиболее правильную и действенную модель, поскольку каждая из них имеет свои достоинства и недостатки. К тому же судить об эффективности каждой из них можно лишь по общему политическому климату, степени демократичности конституции и реальному соотношению сил в парламентах.

Демократия, основанная на массовом политическом участии, есть порождение западной – европейской и затем североамериканской – политической и правовой культуры. Она обусловлена объективно развитием частной собственности и рыночных отношений, а с субъективной стороны – возобладавшей в этих регионах индивидуалистической социальной психологией. Последнюю не надо понимать примитивно: она отнюдь не исключает, но даже предполагает сотрудничество и солидарность между людьми, однако ориентирует человека на использование для достижения успеха в жизни главным образом собственных сил и способностей.

С конца XVIII в. в странах указанных регионов, обобщенно именуемых обычно Западом, где к этому времени завершился процесс складывания гражданского общества, стали приниматься конституции – высшие законы, образующие основу правовой системы каждой страны и призванные гарантировать гражданское общество и его членов от самовластья государства. Эта практика к настоящему времени приобрела глобальный

масштаб: страна без писаной конституции сегодня представляет собой редкое исключение. Более того, содержание конституций все более унифицируется. Основной его блок образует развивающаяся система прав и свобод человека и гражданина и гарантий их защиты, а система публично-властных органов, составляющая второй необходимый блок содержания конституций, опирается в той или иной степени на основополагающий



принцип разделения властей, который предполагает их взаимное уравновешивание и тем самым исключение диктата одной из них. Таким путем конституции гарантируют защиту человека от возможного произвола публичной власти и способствуют рациональной организации последней.

Уже к концу XIX – началу XX вв. объем правового регулирования общественных отношений в более или менее развитых странах мира возрос настолько, что потребовались особые гарантии защиты самих конституций от искажений и извращений в текущем нормотворчестве. Обеспечению таких гарантий стали служить административная, а затем и конституционная юстиция.

Истоки, зачаточные формы конституционного контроля как самостоятельного вида государственной деятельности можно обнаружить уже в ряде государств эпохи средневековья. В Великобритании в XVII веке Тайный совет признавал законы законодательных собраний (легислатур) американских колоний недействительными если они противоречили законам английского Парламента или общему праву. Распространение идей верховенства конституции и права привело к тому, что уже в конце XVIII века некоторые английские акты были признаны судом не действующими на территории северо-американских штатов. Решающее влияние на формирование института судебного конституционного контроля оказало ставшее знаменитым дело «Мэриберри против Мэдисона» (1803 г.), в котором Верховный Суд США установил, что закон Конгресса, противоречащий федеральной Конституции, может быть при-

знан судом неконституционным, т. е. наделил себя полномочиями судебного контроля за соответствием законов Конституции [3, с. 30]. Несмотря на важность этого момента, заметное развитие даже в США такой контроль получил значительно позже – несколько десятилетий спустя.

Ныне конституционный контроль стал почти неизменным атрибутом демократической государственности и в большинстве государств осуществляется специализированной конституционной юстицией [7].

Необходимо, однако, отметить, что, хотя западный конституционализм распространился и на регионы Востока и Юга нашей планеты (при всей условности такого выделения), в этих регионах он, как правило, носит верхушечный, подчас чисто декоративный характер. Реальные публично-властные, а нередко и частно-правовые отношения обычно в этих странах не соответствуют конституционной модели. Да и у нас функционирование власти отнюдь нередко отклоняется от конституционных предписаний. Одна из главных причин такого явления видится в том, что народы этих регионов еще не восприняли или восприняли далеко не полностью западные образцы политико-правовой культуры, их социальная психология недостаточно прониклась или совсем не прониклась демократическим мышлением.

Представляется, что у нас главная причина фиктивности ряда конституционных положений имеет именно социально-психологическую природу. Население наше привыкло за многие столетия кормиться из рук государства, которое кормило хотя и скудно, но все же большей

частью надежно. При этом государство традиционно рассматривается как чуждая человеку сила. К самоуправлению же привычка не выработалась – хлопотно, ответственно, а результата добиться почти невозможно: чиновники прочно блокируют всякую хозяйственную и социальную самостоятельность, демократически выдвинутые к руководству и демократически же избранные люди часто обнаруживают склонность злоупотреблять своим положением и полномочиями.

Минувшие 20 лет показали, что для становления в широких масштабах малого бизнеса и обладающего демократическим самосознанием среднего класса, достаточно многочисленного, чтобы определяющим образом влиять на политические отношения, этот срок в нашей стране слишком мал. Нельзя не видеть продвижения в желаемом направлении, но слишком оно медленное, слишком еще густы “джунгли нашей демократии”, сквозь которые самостоятельному человеку пробиться очень и очень трудно. Становится все более очевидно, что создание подлинной социальной рыночной экономики, подлинно демократического и правового государства – дело не одного поколения [7].

Важность регулируемых конституцией общественных отношений, необходимость обеспечения ее верховенства в системе правовых актов, соответствие иных актов и иных норм нормам конституции требует и ее особой правовой охраны. Такая охрана направлена на достижение прежде всего незыблемости общественного и государственного строя, стабильности правового статуса личности, на неуклонное



выполнение норм всеми субъектами права [4, с. 91].

Охрана конституции в широком смысле этого понятия предполагает создание необходимых условий, развитие соответствующих гарантий, совершенствование государственно-правовых средств и методов обеспечения действия конституционных норм [8, с. 15]. Исходя из этого, одной из наиболее действенных гарантий в реализации норм конституции считается конституционный контроль. Довольно часто под ним понимается деятельность государственных органов и должностных лиц, направленная в целом на применение нормативно-правовых актов, в процессе которой происходит выяснение их соответствия конституции [10, с. 49]. Однако для большинства из этих органов правовая защита конституции не является основной задачей, а составляет лишь часть их функций. Поэтому более точное значение имеет трактовка конституционного контроля как деятельность несудебных органов, судов общей или судов специальной юрисдикции, главной задачей которой является именно проверка конституционности правовых актов.

Впервые идею охраны конституции с помощью специализированных государственных органов выдвинул Э. Сийес в 1795 году. С этой целью он настаивал на создании «специальной власти», которая могла бы отменять законодательные акты, противоречащие конституции. По его мнению, создание такой «власти» было бы естественным результатом размежевания учредительной и законодательной «властей» [10, с. 50]. При этом он считал, что судебная власть не должна охранять конституцию,

поэтому предлагал в качестве такого органа конституционное жюри, «представительного и политического характера». Данная идея охраны конституции путем создания специализированного несудебного органа нашла воплощение в Конституции Франции 1958 года, в соответствии с которой создан Конституционный совет, уполномоченный осуществлять предварительный конституционный контроль исключительно за актами парламента. Подобная форма контроля принята в ряде бывших французских колониальных владениях, в Казахстане и в некоторых других странах.

Конституционный совет, как правило, формируется различными ветвями власти, независимо друг от друга. В его состав могут входить также лица в соответствии с их общественным положением (например, бывшие президенты республики). Таким образом, членами конституционного совета могут быть не только юристы, но и политики, что дает возможность разносторонней оценки рассматриваемых правовых актов. Важно также, что при данной форме контроля закон проверяется на предмет конституционности до его подписания и промульгации президентом. Это исключает действие законов, не соответствующих конституции. При этом возможен также и последующий конституционный контроль при рассмотрении вопросов о нарушении конституционных прав граждан теми или иными правовыми актами.

К недостаткам данной модели относится отсутствие состязательного процесса. Совет работает по системе досье: член совета по поручению его председателя изучает дело и доклады-

вает свое мнение на заседании совета. После обсуждения совет дает свое заключение. Стороны, эксперты на заседание совета, как правило, не вызываются. При необходимости они излагают свои доводы в письменной форме в обращениях в совет [9, с. 91]. Но это имеет и свою положительную сторону, поскольку обеспечивает быстроту вынесения необходимого решения. К тому же состязательность не всегда необходима и возможна для подготовки заключения по акту, еще не вступившему в законную силу.

Однако во многих странах конституционный совет не вправе рассматривать акты президента и иных органов власти. Во Франции для проверки законности деятельности чиновников создана система судов административной юстиции, которую возглавляет Государственный совет, призванный оценивать конституционность постановлений правительства [9, с. 92].

Почти одновременно с несудебным возник и судебный конституционный контроль. Впервые идею необходимости проверки конституционности законов судом высказал А.Гамильтон. В одной из своих работ он заметил, что содержание и значение положений конституции и законов в процессе своей деятельности должны выяснять (толковать) суды. И если при этом будут установлены противоречия между конституцией и конкретным законом, суд обязан «поставить конституцию над законом», ибо «намерения народа выше намерений его представителей» [8, с. 52]. В начале XIX века посредством толкования верховным судом отдельных положений конституции США функция кон-



ституционного контроля была признана за судами и на уровне федерации. Поэтому такую модель охраны конституции судами общей юрисдикции определяют как американскую.

Суды общей юрисдикции осуществляют конституционный контроль в странах англосаксонской системы права или в государствах, на которые эта система оказала значительное влияние [9, с. 80]. Он сводится к проверке закона, другого нормативного акта и даже индивидуально правового акта на предмет конституционности при рассмотрении конкретного дела. Соответствующее решение суда признается обязательным в пределах его территориальной юрисдикции, а в случаях апелляционного обжалования окончательное решение принимает верховный суд [10, с. 53]. Правовой акт, признанный неконституционным, формально продолжает действовать, но ни один суд применять его не может. Такой закон, по сути, лишается юридической силы, поэтому в таких государствах необходимо постоянно следить за деятельностью судов в сфере конституционного контроля. А это уже само по себе в значительной степени повышает роль судов в государственном механизме и в обществе в целом.

Важным достоинством данной системы является возможность обращения в суд по вопросу конституционности правового акта любой стороной судебного процесса, а не только строго определенным кругом лиц. Это соответствует мировым тенденциям развития конституционного права, направленным на расширение круга субъектов, имеющих право поставить в

высшем судебном органе страны вопрос о неконституционности закона.

Положительной стороной такой формы контроля является также возможность рассматривать дело о неконституционности правового акта в любом суде, что обеспечивает более широкий, а следовательно, разносторонний анализ проблемы. Последовательное проведение принципа состязательности в процессе тоже является немаловажным плюсом англосаксонской системы конституционного контроля [9, с. 81].

Но у американской модели охраны конституции есть и свои минусы. Во-первых, при данной системе возможен только последующий конституционный контроль. Суд рассматривает уже вступивший в силу закон, который возможно породил разнообразные последствия. Признание его неконституционным может привести к нестабильности и запутанности юридических отношений, так как они будут регулироваться различным образом до и после признания акта неконституционным. Во-вторых, вопрос о конституционности правового акта решается судьей, хотя и имеющим высокую квалификацию, но все же не являющимся, как правило, профессионалом в конституционном праве. И, в-третьих, доведение дела до суда последней инстанции, которая принимает окончательное решение, очень дорогой и длительный процесс.

Антитезой американской модели по всем важнейшим параметрам стала европейская система конституционного судопроизводства. Она явилась результатом теоретических исследований Г. Кельзена, кото-

рый стремился обосновать правовые гарантии конституции в соответствии с идеей иерархии правовых норм [5, с. 457]. Он полагал, что поскольку конституция является основным и самым главным законом страны, то для ее обеспечения нужна отдельная система контроля с единой высшей инстанцией, которой является конституционный суд.

Выделяют обычно три этапа распространения кельзеновской модели в Европе [2]. Начальный приходится на период между мировыми войнами и именуется австрийским, поскольку в первые (в сентябре 1919 года) именно в Австрии был создан Высший Конституционный суд, а институт конституционного судопроизводства был закреплен в Конституции 1920 года. Следуя австрийской модели, перед второй мировой войной судебный конституционный контроль был учрежден также в Чехословакии (1920 г.), Греции (1927 г.), Испании (1931 г.), Ирландии (1937 г.), Египте (1941 г.).

Второй этап приходится на время после второй мировой войны, именно тогда данная модель приобрела широкое признание. Судебный конституционный контроль был введен в Бирме, Японии, Италии (1947 г.), Германии, Таиланде, Индии (1949 г.), Сирии, Люксембурге (1950 г.), Уругвае (1952 г.), на Кипре (1960 г.), в Турции (1961 г.), Алжире, Югославии (1963 г.). Это объясняется пересмотром традиционной доктрины конституционализма, основными положениями которой являлись рассмотрение парламента как воплощения общей воли и гаранта свобод, а также представления о незыблемости зако-

нов. В условиях восстановления демократии судебный контроль конституционности законов стал рассматриваться как единственный инструмент, способный обеспечить права меньшинств от посягательств большинства. Данный вид контроля был воспринят конституциями Италии, Японии, ФРГ.

Третий этап приходится на 70-е годы и связан с падением диктаторских режимов в Южной Европе. В это время конституционный суд вводится в Греции (1968 г.), Португалии (1976 г.), Испании (1978 г.).

В 60-е годы некоторые системы конституционного контроля были подвергнуты пересмотру в европейских государствах (Австрия, Бельгия, Германия, Франция, Чехословакия, Швеция), на латиноамериканском континенте (Аргентина и др.). В различных формах он утвердился в ряде других стран Азии, Африки, Центральной и Южной Америки.

Европейскую модель охраны конституции характеризует функционирование единого органа конституционной юрисдикции. Однако в некоторых федеративных государствах конституционные суды вводятся и на уровне ее субъектов (Россия, ФРГ) [6].

К полномочиям конституционных судов относится не только разрешение вопросов о конституционности законов, нормативно-правовых актов правительства и главы государства и даже индивидуальных правовых актов, но и рассмотрение компетенционных споров. Как правило, они касаются деятельности законодательных и исполнительных органов власти, а в федеративных государ-

ствах - органов власти федерации и субъектов, а также самих субъектов.

Во многих странах конституционный суд рассматривает вопросы о конституционности выборов и референдумов, запрещает деятельность политических партий, в случаях признания их деятельности или уставов неконституционными, принимает участие в такой процедуре как импичмент. Эти и другие полномочия свидетельствуют о различиях в содержании конституционной юрисдикции, осуществляемой в разных странах [10, с. 56].

Несомненным достоинством данной модели является то, что с жалобой в конституционный суд может обратиться любой человек. Обобщенно конституционная жалоба - это юридическое средство инициирования физическим лицом в органе конституционной юрисдикции специальной процедуры относительно защиты его конкретного конституционного права, нарушенного актом, изданным государственным органом или должностным лицом или актом суда общей юрисдикции. К плюсам конституционного суда относится и профессиональный состав его членов.

Решение конституционного суда окончательно, т.е. оно не подлежит обжалованию и пересмотру другим органом, что возлагает на него огромную ответственность. Неясным остается вопрос о том, может ли конституционный суд вносить свои предложения по совершенствованию тех правовых актов, которые он признает неконституционными или подобные указания будут нарушать принцип разделения властей? Но ведь, с

другой стороны, такую деятельность можно рассматривать и как взаимодействие всех ветвей власти, призванное устранить недостатки определенного правового акта в целях общей заинтересованности особой социальной защиты определенной категории лиц [9, с. 84].

Таким образом, две основные модели судебного конституционного контроля - «американская» и «европейская» - существенно отличаются по своему духу и содержанию. Но в обеих системах конституционное правосудие является важным атрибутом современного демократического конституционного устройства, без которого невозможно поддержание конституционной законности, а значит и законности в целом.

Говоря обо всех рассмотренных в данной статье форм охраны конституции, невозможно выделить наиболее правильную и действенную модель, поскольку каждая из них имеет свои достоинства и недостатки. К тому же судить об эффективности каждой из них можно лишь по общему политическому климату, степени демократичности самих конституций и реальному соотношению сил в парламентах. Но при всех обстоятельствах не следует забывать о значении конституционных механизмов в развитии концепции правового государства [1, с. 115], без работы которых многие конституции оставались бы не более, чем общими декларациями принципов и намерений.

Литература:

1. Боботов С.В. *Конституционный контроль в буржуазных стра-*



нах: доктрина и практика // Советское государство и право, 1989. №3.

2. Васильева Н. Н. *Модели правовой охраны Конституции в мировой практике* // «Общепризнанные принципы и нормы национального законодательства», Материалы международной студенческой научной конференции «Глобализация и право. <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1219893>

3. Витрук Н. В. *Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс*. М.: Издательское объединение «ЮНИТИ», 1998.

4. *Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов* / Под. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. М., 2005.

5. Медушевский А. Н. *Сравнительное конституционное право и политические институты*. М., 2002.

6. Митюков М. А. *Становление и развитие конституционных (уставных) судов Субъектов Российской Федерации (1991-2002 гг.)* – <http://www.concourt.am/hr/ccl/vestnik/2.20-2003/Mityukov.htm>

7. Страшун Б. А. *Перспективы демократии и конституционное правосудие* // International Almanac *Constitutional justice in the new millennium, 2002* - <http://www.concourt.am/armenian/almanakh/almanac2002/217.htm>

8. Хабриева Т. Я. *Правовая охрана конституции*. Казань, 1995.

9. Чиркин В. Е. *Конституционное право: Россия и зарубежный опыт*. М., 1998.

10. Шаповал В. Н. *Сущностные характеристики конституционного контроля* // Конституционное Правосудие, 2005. №1.

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ В ДРЕВНЕМ МИРЕ. СУИЦИД, КАК КРИТЕРИЙ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

А. ПИЩИТА,
доктор медицинских наук, доктор юридических наук, профессор
медицинского права Российской медицинской академии
последипломного образования, г. Москва, РФ

Рассматривая эволюцию эвтаназии в истории развития общества, следует выделять три основных периода, на протяжении которых отношение к эвтаназии претерпевало существенные изменения: древний мир, средневековье, капитализм.

Еще на заре цивилизации вопрос соотношения жизни и смерти был главным предметом философско-правового осмысления. Эвтаназия стала одним из тех деяний, которые с позиций теологии, нравственности и закона расценивались неоднозначно. Взгляды на сущность добровольного ухода из жизни в различные исторические периоды существенно менялись, как и этическая оценка этих действий (норма, грех, преступление, героизм), в зависимости от соответствующего этапа развития общества и преобладавших социальных, идеологических, национальных и культурных представлений общества.

Человек научился лишать себя жизни сознательно, намеренно и быстро очень давно - задолго до изобретения колеса и покорения огня - и применял это умение в самых разнообразных жизненных ситуациях. Подтверждением может являться трагедия тасманских туземцев, которые находились на низкой стадии культурного развития, однако знали, что если жизнь становится невыносимой, ее можно прекратить. Многие из тасманийцев, на которых евро-

пейцы охотились, как на диких зверей, так и поступали [1].

Для древних цивилизаций, впрочем, как в современном обществе, особо значимым являлся вопрос о месте немощных (престарелых, детей, больных) в обществе. Там, где условия жизни были особенно суровы и община балансировала на грани вымирания, существовал обычай избавляться от ее членов, которые стали иждивенцами по причине болезни, увечья или старости. Подобная практика существовала, в частности, в Спарте, а также в отдельных северных племенах, где убивали слабых, больных младенцев и стариков, всячески поощряли самоубийство лиц старше 60 лет.

Плутарх так описывал нравы спартанского общества: «Воспитание ребенка не зависело от воли отца, - он приносил его в «лесху» - место, где сидели старшие члены филы, которые осматривали ребенка. Если он оказывался крепким и здоровым, его возвращали отцу и выделяли один из девяти земельных участков, но слабых и уродливых кидали в «апотеты» - пропасть возле Тайгета. Для них жизнь новорожденного была так